

– То, что «Молодой Ленинград» мой ровесник – для меня неожиданность и подарок. Ему в этом году исполняется восемьдесят лет, и мне – восемьдесят.

Я включился в альманах в 1960-м, благодаря литобъединению при Ленинградском отделении издательства «Советский писатель», которое в мою пору возглавлял последний «серапион» Михаил Слонимский. Он меня возлюбил. А перед этим ещё была конференция молодых писателей Северо-запада, по итогам которой меня рекомендовали к публикации.

Я подготовил рассказы для альманаха – «Фиг», «Иностранный язык» и «Бабушкина пиала» – и уехал в экспедицию, в Среднюю Азию. В это же время редактор «Советского писателя» Кира Михайловна Успенская тоже ушла в отпуск. И редактуру взял на себя другой человек, не помню даже его фамилии... Когда я вернулся из экспедиции, то держал первую верстку в руках. Я помню это чувство: запах типографской краски и неуверенное волнение. Но когда я прочитал свои тексты, то заплакал. Велась очередная кампания по очистке русского языка от грубых выражений, и редактор произвел ее по полной. В рассказе «Фиг» фраза «здесь чем-то воняет» была заменена на «здесь пахнет щами»; «красивая ты, баба, но дура» на «красивая ты, Маша, но неумна» и так далее. Все это возмутительно ломало язык и стиль даже на том скромном уровне, на котором были написаны рассказы. Вот тогда я помню, было все одновременно: и радость, и скорбь.

Однако хорошее дело не только не остается безнаказанным, но и не остается вознагражденным. Когда я понял, что пять лет не получаю пенсию, то послал свою секретаршу с этой первой публикацией в контору, и мне учли рабочий стаж и пенсию все-таки начислили.

К тому же, за эти три рассказа в «Молодом Ленинграде» мне заплатили баснословный гонорар. Искалечили их, но сказали – «зато мы оплатим аккордно», то есть, за каждый рассказ как за печатный лист, по полторы тысячи. И я получил четыре с половиной тысячи – еще таких больших, сталинских – рублей. С этого гонорара я купил жене шубу, себе радиолу, костюм и еще долго мы на них жили. Это были другие деньги и другие возможности. Так что все у нас тогда было диалектично. С одной стороны плохо, с другой стороны – замечательно.

Потом вернулась Кира Михайловна, и мы закрепились друг за другом как автор и редактор на долгие годы. Она работала и над первой моей книгой «Большой шар», и над второй «Такое долгое детство», и потом над романом «Пушкинский дом», который тоже создавался по договору с «Советским писателем». Хотя я знал, что роман не напечатают, но, тем не менее, он писался с получением аванса, поэтому я должен был его отрабатывать, и соблюдать дедлайн, и это мне помогло роман закончить. В конце концов, в 1971-м году он был сдан и, естественно, не опубликован. Но сама Кира Михайловна как была, так и осталась для меня ангелом-хранителем на все это время. Самое поразительное, что возникла даже преемственность поколений, потому что, если она издала мою первую советскую книгу, то ее дочь Анна Успенская, тоже ставшая редактором, издала мою последнюю советскую книгу.

Что касается «Молодого Ленинграда», то в 1961-м году там еще выходила моя повесть «Одна страна», написанная по горячим следам экспедиции по Средней Азии. Я писал ее, не отрывая руки от бумаги. Ее поругали немного за принижение образа трудящегося, но напечатали. В 1965-м в альманахе вышел рассказ «Пенелопа», в 1966-м – повесть «Путешествие к другу детства». В этот номер вошло еще прекрасное стихотворение Иосифа Бродского «Я обнял эти плечи и взглянул...».

Параллельно я печатался в других журналах, в той же «Звезде», но если бы не база «Молодого Ленинграда», не занятия в ЛИТО при «Советском писателе», то у меня бы, наверное, первая книга не удалась. Одно время я даже был старостой ЛИТО, но роль начальника мне никогда не подходила. Потом меня сменил Валерий Попов. Я его и принимал в ЛИТО, кстати. Для меня он был молодым автором, хотя разница в возрасте у нас всего два с половиной года. Но разница тогда проходила по войне: кто как ее помнил, так она и проходила. Значит, поскольку я помню войну с первого дня, Попов помнит, наверное, уже ее завершение...

В ЛИТО мы, конечно, все дружили. Все друг с другом выпивали. Многие друг друга перелюбили. Я кого мог, перетаскивал к нам в «Советский писатель». Мне кажется, там остался один не до конца раскрытый большой писатель – Генрих Шеф. Его нужно подать, его нужно воскрешать еще. А все остальные более-менее состоялись. В ЛИТО ходили Владимир Марамзин, Борис Вахтин, Игорь Ефимов, образовавшие потом самостоятельное объединение «Горожане». Рид Грачев, публиковавшийся в «Молодом Ленинграде», тоже ходил, но навряд ли долго, потому что был очень гордый и самостоятельный. Он-то, кстати, тоже не раскрыт полностью, хотя представлял собой самую большую перспективу. Что-то в его судьбе надломилось. Он был слишком максималист. Я уже был далеко впереди своих первых книг, но, тем не менее, махнул рукой по принципу «не продается вдохновение, но можно рукопись продать», то есть был достаточно циничен. А он был категоричен и не мог ничем поступиться...

Я думаю, мы все, прежде всего, были хорошими читателями. А нечем было заниматься, кроме того, как читать. Не было ни Интернета, ни телевизора, никаких мультимедиа. Я очень любил классическую литературу и даже какое-то время считал, что русская литература кончилась в 1917-м году. Сейчас я думаю, что советская литература была вполне богата. Были великие прозаики, но о них я узнал намного позже, чем начинал писать. Так, я намного позже узнал и оценил Зощенко и Платонова. Я писал, не ориентируясь на какие-то авторитеты.

Авторитеты, знания о предшественниках, наверное, не так уж и важны. Вот, Голявкин, например, совершенно не знал о своих предшественниках, обэриутах. Просто бывают открытия, которые совершаются второй раз. Его абсурд родился от самобытности собственной личности.

В то время мои познания о литературе расширяли Михаил Слонимский и Геннадий Гор, которые давали мне редкие книги. Так, я от них впервые узнал, что были Леонид Добычин и Константин Вагинов – настоящие, большие писатели. В чем-то просвещал Михаил Леонидович Лозинский. Но того «шестидесятничества», с которым сейчас уже все надоели, в Ленинграде не было. У нас «шестидесятничество» только в том, что мы на шестидесятой параллели, не более того. У нас был обком – это очень важная функция. Обком – это значит порядок перевыполнения идеологического плана против Москвы, против Кремля. Там была какая-то подвижность относительно политики. А у нас были только люди, были старики, которые пережили зону, войну, блокаду. Они были более

интеллигентные, более образованные, чем мы, молодежь, чуть-чуть больше зарабатывали, следовательно, могли поставить бутылку, принять нас и пообщаться. Вот это тоже было какое-то устное просвещение. Эти старики много нам дали, хотя очень мало имели власти, чтобы как-то помочь. Я помню, как Слонимский защищал меня на Совещание молодых писателей уже в Москве перед Марковым, потому что Маркову в 20-е годы он когда-то помог.

Так что «Молодой Ленинград», конечно, был нишей, такой утаенный, но все-таки дающей возможность молодым авторам разной стилистики проявиться. С каким бы отбором и искажением не печатались произведения – они печатались, и это было главным достоинством альманаха.